

Западный рай встретил их вечным днем. Здесь в сияющих небесах кружили белоснежные журавли, а лазурные воды бескрайнего моря бороздили величавые священные черепахи.

Путники прибыли верхом на черных воронах. Император Хуагай уже поджидал их на границе обители. Смерив Хуа Тянь строгим взглядом, он предостерег:

— Когда предстанешь перед Буддой Шакьямуни, помалкивай. На все вопросы отвечай лишь короткое «да», а всё остальное предоставь Цзыцзюню.

Хуа Тянь, оказавшийся здесь впервые, не знал местных порядков. Он решил, что Император Хуагай попросту опасается его излишней простоты и боится, как бы юноша не нарушил покой Владыки Западного рая. От этой мысли Хуа Тянь зажался еще сильнее. Сердце предательски заколотилось — шутка ли, впервые в жизни лицезреть самого Будду.

— Пошли, нечего время терять, — поторопил Лань Цзыцзюнь.

— Идем, идем, — робко пробормотал Хуа Тянь, прячась за спину Императора Хуагая.

Вид у него был такой понурый и послушный, словно его вели не за наградой, а на казнь.

— Послушник уже ушел доложить о вас, — произнес Император Хуагай, предостерегающе ткнув пальцем в сторону Хуа Тяня. — Скоро вас позовут. И помни: держи язык за зубами.

— А ты разве не пойдешь с нами? — в тревоге спросил Хуа Тянь.

Узнав, что их покровитель останется снаружи, он окончательно растерялся. Одно дело — кланяться безжизненному изваянию в храме, и совсем другое — явиться пред очи живого божества.

— Откуда у него взяться смелости, чтобы войти туда, — язвительно бросил Лань Цзыцзюнь.

От этих слов лицо Императора Хуагая мгновенно вспыхнуло пунцовой краской. Бормотнув: «Я подожду здесь, идите сами», — он поспешно скрылся из виду.

Лишившись защиты Императора, Хуа Тянь буквально прилип к Лань Цзыцзюню, стараясь не отставать от него ни на шаг.

— Приветствуем Будду Шакьямуни, — в один голос произнесли вошедшие и склонились в глубоком поклоне.

Хуа Тянь послушно уткнулся взглядом в пол. Величественная, давящая атмосфера безмолвного зала сковывала тело. Будда Шакьямуни восседал на циновке в самом центре просторного зала,

погруженный в медитацию. По обе стороны от него застыли Восемнадцать архатов. Их гневные, суровые взоры были устремлены на пришельцев. Хуа Тяню показалось, будто само пространство вокруг него начало раздуваться, а он сам, напротив, сжимался, превращаясь в ничтожную пылинку.

— Подними голову.

Громовой, раскатистый голос эхом пронесся под высокими сводами, заставив Хуа Тяня вздрогнуть.

— А? Я?.. — испуганно пролепетал юноша.

Он завертел головой по сторонам и, лишь окончательно убедившись, что обращаются именно к нему, несмело поднял глаза.

Взглянув на Будду, Хуа Тянь испытал странное, труднообъяснимое чувство. Перед ним восседал вовсе не тот благообразный, тучный старец с длинными, свисающими до плеч мочками ушей и сияющей родинкой меж бровей, к какому он привык в земных храмах. Лик божества казался на удивление юным — пожалуй, даже моложе, чем у самого Хуа Тяня, напоминая облик Цзя Ланя. Однако на этом детском лице не было и тени улыбки. Строгое, застывшее выражение выдавало пугающую, не по годам глубокую мудрость. Этот разительный контраст внушал еще благоговейный трепет, заставляя удваивать осторожность.

Глаза Будды сияли бездонной глубиной, способной, казалось, проникать в самые потаенные уголки души. Хуа Тянь поспешно отвел взгляд и снова опустил голову. Под этим пронзительным взором у него мороз пробежал по коже — испытывать судьбу дальше он не решился.

— Что-то ты совсем растерял прежний пыл. Стал робким и скучным, — с легким разочарованием, будто укоряя старого приятеля, посетовал Будда.

— Представ перед святым ликом Вашего Преосвященства, ничтожный ученик преисполнился трепета и не смеет поднять взор, — смиренно пробормотал Хуа Тянь.

«О чем это он вообще говорит? — недоумевал про себя юноша».

— Ха-ха-ха!.. Преисполнился трепета!

Будда расхохотался так безудержно, что золотистая каша съехала с его плеча. Задорный, чистый смех раскатился по всему великому залу.

Хуа Тянь растерянно скосил глаза на соседа. Он вопросительно приподнял брови, безмолвно спрашивая: «И что тут смешного?»

Лань Цзыцзюнь оставил его безмолвный вопрос без внимания. Дождавшись, пока Будда отсмеется, он спокойно и с достоинством изложил суть дела. Хуа Тянь невольно позавидовал его непоколебимому хладнокровию.

Выслушав доклад, Будда задумчиво кивнул, а затем вновь усмехнулся:

— Подумать только, среди моих последователей завелись фальшивые монахи.

Хуа Тянь поначалу решил, что всеведущее божество отнесется к этой нелепице с привычной снисходительностью. Однако последующие слова Будды заставили его содрогнуться.

Повернувшись к застывшему поодаль Архату, укрощающему дракона, Будда небрежно приказал:

— Ступай в мир смертных. Всю ту свору, что творит бесчинства под моим именем, отправь прямиком в преисподнюю.

«В Подземное царство! — мысленно ахнул Хуа Тянь. — Надо же так мягко назвать полное истребление монастыря».

Настоятель действительно совершил ужасные злодеяния, и отправь его хоть в Восемнадцать кругов ада, Хуа Тянь не пролил бы ни слезинки. Но ведь простые монахи пошли на убийства лишь из-за коварного обмана! Они даже не ведали истинной подоплеки событий. Вырезать их всех до единого — вопиющая несправедливость.

— Почтенный Будда, дела мертвых — забота Подземного царства, — позабыв о недавнем страхе, вмешался Хуа Тянь. Ради спасения невинных душ он решился взять инициативу в свои руки. — Мне, как Владыке ада, надлежит вершить суд над ними. Не стоит утруждать Посланника, укрощающего дракона.

— Верно, верно! Сам Владыка ада стоит предо мной, к чему мне посылать Сянлуна? — Заметив, что Хуа Тянь перестал лебезить и проявил характер, Будда явно оживился. Его тон стал серьезнее: — Что ж, господин Хуа, в таком случае разберитесь с этим как следует.

Хуа Тянь почтительно поклонился, принимая эту нелегкую ношу.

Вообще-то эту просьбу должен был озвучить сам Хуа Тянь, но тот так погрузился в думы о спасении несчастных монахов, что напрочь позабыл о главной цели визита. Заметив его замешательство, Лань Цзыцзюнь заговорил сам:

— О Великий Будда, мы прибыли также с поклоном, дабы испросить у Вас одну душу.

Хуа Тянь спохватился и бросил на друга полный признательности взгляд. Лань Цзыцзюнь от такого преданного взора почувствовал себя крайне неловко.

— Вот как? — Будда Шакьямуни смерил Лань Цзыцзюня долгим, изучающим взглядом, словно пытался прочесть сокровенные мысли в глубине его разума.

Тот не отвел глаз, ответив на это испытание спокойным, кристально чистым взором.

— Ха-ха-ха! — снова покатылся со смеху Будда. Его непредсказуемый нрав ставил в тупик.

Вдоволь отсмеявшись, он резко взмахнул широким рукавом кашаи. Мир перед глазами Хуа Тяня и Лань Цзыцзюня мгновенно померк, голова закружилась в неистовом вихре. Когда же сознание вернулось к ним, они обнаружили, что стоят вовсе не в роскошном сияющем зале среди шепчущихся божеств, а в тесной каменной келье.

Все стены этого склепа были испещрены бесчисленными нишами, в которых ровными рядами покоились глиняные сосуды. Стенки этих горшочков были настолько тонкими, что казались прозрачными; сквозь них мягко струилось таинственное свечение. Зрелище завораживало — казалось, перед ними раскинулась бездонная звездная бездна.

— Всё это — буддийские ниши, — раздался за их спинами тихий голос Будды. Он сделал короткую паузу и продолжил: — Здесь хранятся души моих учеников. Какая именно вам надобна?

Помешивая воздух резным посохом, Будда неспешно двинулся вдоль рядов, слегка касаясь глиняных стенок. От этих звонких щелчков души внутри горшочков встрепонулись. Огоньки заматались в заточении, отчаянно бьась о тонкую, хрупкую преграду, но преодолеть ее им было не под силу.

— Просим Вашего напутствия, Владыка, — вежливо склонил голову Лань Цзыцзюнь.

Вместо ответа Будда опустил на круглую циновку и прикрыл глаза, погружаясь в созерцание. Лишь спустя долгое время он бесстрастно обронил:

— Даю вам три попытки. Если не угадаете — убирайтесь прочь.

Хуа Тянь до боли сжал кулаки. Здесь, вдали от суровых взоров Восемнадцати архатов, страх отступил, уступив место возмущению. Он уже собрался сделать шаг вперед, чтобы высказать этому своенравному божеству всё, что думает.

Цзя Лань при жизни был монахом в фальшивом храме. По закону его душа должна принадлежать Подземному царству. Хуа Тянь лишь пытался вернуть то, что причиталось подземному суду, а с ним обращались как с жалким просителем. Такого высокомерия его гордость снести не могла.

Однако Лань Цзыцзюнь вовремя положил руку ему на плечо и предостерегающе покачал головой:

— Успокойся и ищи. Не время затевать ссору.

Хуа Тяню пришлось смирить гнев. Он повернулся к стене. Каменная келья была крошечной, но сосудов здесь набралось немало — три стены от пола до потолка ломились от сотен одинаковых глиняных горшков.

Словно сговорившись, томящиеся в них духи внезапно затянули Мантру Великого Сострадания. Сперва их голоса звучали едва слышным шепотом, но с каждым мигом хор крепчал, пока не превратился в оглушительный, яростный шквал, готовый сокрушить всякого, кто посмеет нарушить их покой.

Спустя всего пару мгновений этот несмолкаемый гул окончательно лишил Лань Цзыцзюня душевного равновесия. Голова раскалывалась, мысли путались, хотелось просто броситься наутек. Заметив, что Хуа Тянь стоит неподвижно, обхватив голову руками и напряженно о чем-то размышляя, он сквозь зубы спросил:

— У тебя есть идеи? Как нам его найти?

— Сотвори мне флейту, — уверенно произнес Хуа Тянь, распахнув глаза. — Обязательно из фиолетового бамбука.

Лань Цзыцзюнь на мгновение опешил. Его поразила не столько сама странная просьба, сколько та уверенность, с которой юноша назвал именно флейту из фиолетового бамбука.

Тем не менее он взмахнул ладонью, и в его пальцах материализовался изящный, искусно вырезанный инструмент. Едва Хуа Тянь принял флейту, его пальцы привычно легли на отверстия, словно он держал ее тысячи раз до этого. Первые звуки полились под своды sklepa.

Эту особенность он обнаружил еще в раннем детстве. Стоило его душе затрепетать от обиды или тревоги, он тайком брал оставшуюся от матушки флейту из фиолетового бамбука, и нежная мелодия возвращала ему покой. Со временем Хуа Тянь заметил, что его музыка умиротворяет не только его самого: разгневанные люди остывали, дикие звери ластились к ногам, а цветы и травы склоняли бутоны, погружаясь в безмятежный сон.

Но сейчас всё было иначе. Когда пальцы коснулись прохладной поверхности сотворенного инструмента, в памяти Хуа Тяня промелькнула смутная, далекая тень воспоминания. Она исчезла столь стремительно, что поймать ее не удалось, как ни силился юноша восстановить ускользающий образ. Оставив бесплодные попытки, он глубоко вздохнул и сосредоточился на игре.

Мелодия лилась ровно, без резких переходов и затейливых трелей. К тому моменту, как смолк последний аккорд, разум Лань Цзыцзюня очистился от скверны, уподобившись зеркальной глади спящего озера. Шум в келье утих — сотни сосудов замерли, погружившись в глубокую, замороженную тишину.

— Слушай внимательно, — шепотом прервал молчание Хуа Тянь.

— Что я должен услышать? — поинтересовался Лань Цзыцзюнь. Он всё еще пребывал в полузабытии под действием чарующей музыки, и его мысли текли лениво.

— Плач, — Хуа Тянь зажмурился, пытаясь определить, откуда доносится тихий звук.

Лань Цзыцзюнь последовал его примеру. Сосредоточившись, он сквозь безмолвие уловил едва различимый, жалобный всхлип, напоминавший тихий плач младенца.

— Вверху! Там, под самым потолком! — Хуа Тянь резко указал пальцем на верхнюю нишу, где в глубине одного из сосудов сиротливо мерцал тусклый огонек.

Поняв намек без лишних слов, Лань Цзыцзюнь оттолкнулся от пола и бесшумным прыжком взмыл под своды каменной кельи. Ловкое движение руки — и заветный сосуд оказался у него в руках.

— Держи, — он поспешно протянул горшочек Хуа Тяню. Доносящийся изнутри тихий плач вновь начал раздражать его чуткий слух.

Хуа Тянь поймал сосуд. Непрекращающиеся рыдания духа бередили душу, и он, слегка покачав глиняный бок, негромко зашептал:

— Дружище, умоляю, перестань лить слезы. Обещаю, совсем скоро я тебя освобожу.

Душа внутри горшочка, словно вняв его словам, мгновенно затихла.

Бережно прижимая находку к груди, Хуа Тянь с победным видом подошел к застывшему Будде:

— О Великий Будда, мы отыскали душу Цзя Ланя. Можем ли мы теперь покинуть Вашу обитель?

Будда Шакьямуни, не открывая глаз и пребывая в глубоком медитативном трансе, бесстрастно произнес:

— Душа Цзя Ланя даруется вам лишь на один день. Завтра вы обязаны вернуть ее в целостности и сохранности.

— Премного благодарны, — Лань Цзыцзюнь поспешно увлек за собой недовольно насупившегося Хуа Тяня, пока тот не наговорил лишнего.

Оказавшись на приличном расстоянии, Хуа Тянь развернулся и шутливо погрозил кулаком в сторону погруженного в покой божества, изливая накопившуюся досаду.

Будда, будто обладая глазами на затылке, внезапно изрек вслед:

— Господин Хуа, не забывайте о нашем уговоре. Ни один из лжемонахов не должен миновать суда Подземного царства.

Эти слова без промаха ударили по самому больному месту. Хуа Тянь мгновенно сдулся, послушно опустил плечи и понуро побрел прочь, покидая пределы Западного рая.

<http://bllate.org/book/18412/1796463>